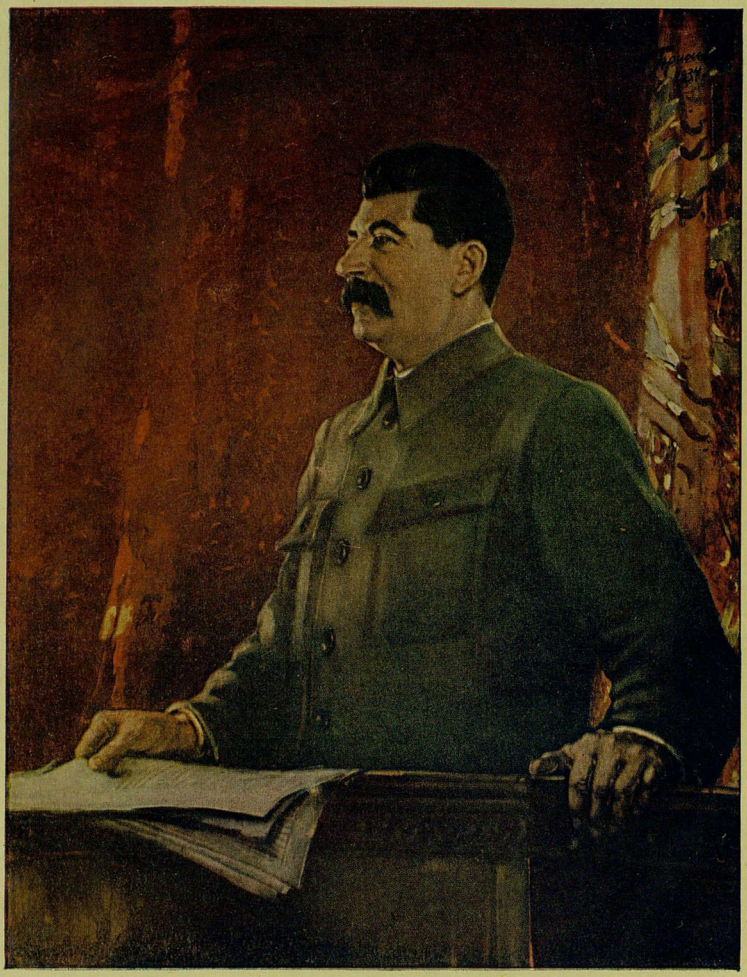
РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

Партиздат
ЦК ВЛКСМ
1939



И. В. Сталин. *С картины заслуж. деятеля искусств А. Герасимова.*

42 Ш3
3К36
Р-24
2-7
С-76

РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

14039
К°

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1939

47
К 15/12

Я ВИДЕЛ СТАЛИНА

Из дневника

Впервый раз близко я видел этого великого человека в 1934 году, когда окончился первомайский парад на Красной площади. Я тогда служил летчиком.

2 мая мы выстроили свои четырехмоторные корабли на Центральном аэродроме имени Фрунзе, а сами по подразделениям стояли в ожидании дорогих гостей. Товарищи Сталин, Ворошилов и Горький долго обходили ряды. Впереди, спокойной походкой, немного расставляя, как моряк, ноги в стороны, шел товарищ Сталин. Он то поднимал вверх приветливо правую руку, то прятал ее за борт шинели и внимательно вглядывался в лица бойцов. Здесь я впервые близко увидел его чуть улыбающиеся глаза.

С тех пор прошло довольно много времени. Однажды, после испытательного полета, я только что посадил машину на аэродром, сижу с механиком и разговариваю с ним о величине компенсатора руля поворотов. Вдруг подъезжает автомобиль с директором завода. Директор приглашает в свой кабинет. Сообщает, что едем на заседание в Кремль.

Когда мы вошли в зал, заседание было в полном разгаре. Товарищ Ворошилов говорил речь. На председательском месте сидел товарищ Молотов. Товарищ Сталин стоял у окна и набивал табаком свою любимую трубку. Он внимательно посмотрел на нас. Я сел за стол. Сталин сказал:

— Ну вот, пусть директор расскажет о своей машине.

Директор рассказал, как идет работа на нашем заводе, подробно познакомил присутствующих с особенностями машины, только что выпущенной заводом.

— Кто у тебя летал на этой машине? — спросил товарищ Сталин.

— Моисеев и Байдуков, товарищ Сталин. Они здесь присутствуют, — ответил директор.

— Ну, Байдуков, расскажите нам о машине. Чем она вам нравится? Что у нее плохого? — и посмотрел на меня, когда я проходил к модели нашего самолета.

Сталин подошел ближе. Он поглядывал то на меня, то на модель, как бы решая: действительно ли я толковый человек? Можно ли довериться мне как испытателю самолетов?

Я старался рассказать о машине все так, как мне это представлялось с точки зрения летчика. Товарищ Сталин задавал такие сугубо профессиональные вопросы, касающиеся самолетостроения, что я частенько задумывался, чтобы опрометчивым ответом не «ввести в заблуждение» этого простого и величайшего человека, вождя народов.

И здесь я заметил, что Сталин — это человек, который любит послушать, любит посоветоваться с людьми, имеющими непосредственное дело с машиной — самолетом, комбайном, отбойным молотком.

Второе, что меня поразило, — это то, что товарищ Сталин знает детально вопрос, интересующий его. Откуда человек, занятый делами государственной важности, знает тонкости авиамоторостроения и летного дела? От многогранной культуры и от гениального, всеобъемлющего ума идет эта прозорливость.

И, наконец, третье, что я заметил при этой встрече с товарищем Сталиным, — это его забота о человеке. Наше летное дело — профессия сложная и иногда опасная. Сталин во время заседания допытывался от конструкторов и летчиков: а как этот самолет, не опасен ли при вынужденной посадке? Можно ли из него свободно выпрыгнуть с парашютом? Удобно ли экипажу работать? И если получал отрицательный ответ, начинал спокойно, но весьма внушительно доказывать, что самолет, опасный для жизни, не есть советский самолет, что его нужно выбросить или переделать так, чтобы люди, самый ценный капитал в жизни, были окружены максимальными удобствами. В авиации нет мелочей. Из-за мелочей часто гибнут люди. Этого мы не можем допускать.

Внимание к человеку, огромное, неизмеримое человеколюбие — это третье, что я заметил у товарища Сталина на деловом заседании.

★

Из-за гор выглянуло солнце. Курорт Сочи начал свою жизнь с мацестинских ванн, купаний, прогулок и теннисных встреч.

Наша дача, как всегда, пробудилась с восходом солнца. Моя дочь Эммочка в семь часов уже кричала над моим ухом.

День намечался ясный, веселый. В девять утра послышался басистый голос Чкалова. Чкалов уславливался с одним из отдыхающих о предстоящей партии на биллиарде.

Беляков занимался французским языком. Я с дочкой убежал на теннисную площадку.

В десять часов все сидели за завтраком. Вдруг раздался телефонный звонок. К аппарату вызвали Чкалова. Он вышел в коридор и спустя несколько минут позвал меня. Я увидел взволнованное лицо Валерия. Это было необычайно для меня.

— Слушай, Егор, товарищ Сталин сегодня в шестнадцать часов приглашает нас с женами к себе, — сказал Валерий тихим, взволнованным голосом.

— Что ты с утра начинаешь фантазировать? — И я повернул было прочь.

Но выражение глаз моего друга и его слегка вздрагивающие пальцы, потянувшиеся к коробке за папиросой, заставили меня поверить, что, может быть, он и не шутит. Да и разве можно шутить такими вещами?

И мною овладело волнение. Сердце забилось частыми радостными ударами.

— Да, да, Егор! Ровно в шестнадцать часов к товарищу Сталину, — сказал Чкалов.

Мы, счастливые, побежали к своим женам поделиться важной новостью. Не описать их радости и изумления.

Буквально через пять минут с завтраком было покончено.

Каждый по-своему переживал предстоящую встречу. Но в одном мы были единодушны: поскорее закончить свои личные дела! И вот — кто пошел к парикмахеру побриться, кто начал отглаживать платье, кто бегом бросился на берег купаться. То и дело поглядывали мы на часы, и каждый из нас втайне проклинал этот механизм, так медленно передвигающий стрелку... Хотелось скорей увидеть еще раз этого милейшего человека, близкого нам друга по нашей работе. Но как ни торопись, солнце диктует время. Наконец стрелка подползла к 15.30.

Пора выезжать, а Чкалов никак не может напялить крахмальный воротничок. Он спешит, со всех сторон на него кричат, торопят... В конце концов я предложил ему надеть шелковую косоворотку, как у меня. Валерий послушался. Через десять минут мы уже мчались на автомобиле вслед за Михаилом Ивановичем Калининым к товарищу Сталину.

Нас подвезли к темнозеленой даче, окруженной фруктовыми деревьями.

Товарищи Сталин и Жданов ожидали нас на улице у парадного входа. Сталин, радушно здороваясь, внимательно оглядывал каждого. Очевидно, он проверял, поднабрали ли мы на курорте сил.

Исключительная простота, искренняя скромность товарища Сталина сразу привлекают к нему и вызывают необыкновенное чувство расположения. Товарищ Сталин знакомится с моей же-

Сталин и Ворошилов с Героями Советского Союза Байдуковым и Беляковым на Щелковском аэродроме.

ной и женой Белякова. Расспрашивает, как отдохнули. Затем ведет к даче, по дороге рассказывая о каждом кустике и дереве, которых так много здесь.

Видно, Сталин очень любит фруктовые деревья.

У одного лимонного куста он заботливо поправляет бамбуковую палочку, поддерживающую отяжелевшие от плодов ветви. Срывает листья эвкалипта, растирает на руке и дает понюхать. Сильного запаха эвкалипта, оказывается, не терпит малярийный комар. Мне очень неловко, что я не знаю действия этого замечательного дерева. Иосиф Виссарионович рассказывает мне о том, как американцы избавлялись от комара во время постройки Панамского канала и при освоении болотистой Австралии.

Так мы незаметно обошли весь сад. Затем, обратившись к гостям с вопросом: не пора ли кушать? — наш хозяин повел нас к себе и попросил осмотреть комнаты. Здесь было все исключительно просто, чисто.

По пути в столовую Сталин, открывая шторы и оконные рамы, спросил: готов ли стол?

Жданов сильно закашлялся. Его кашель был очень похож на кашель Чкалова. Я сказал об этом и заметил:

— Простуда у авиационных работников — болезнь профессиональная.

Иосиф Виссарионович возмущенно начал говорить о том, что конструкторы и заводы еще мало работают над усовершенствова-

нием электрообогревания, что часть вины за это ложится и на летчиков, которые не следят за своим здоровьем и не требуют от промышленности улучшения условий их работы. Сталин тонко подмечал наши авиационные недостатки, обнаруживая при этом явное недовольство тем, что еще не все летчики пользуются парашютом при аварийных положениях. Лучше построить тысячи новых самолетов, чем губить летчика! Человек в глазах Сталина — самое дорогое.

Затем зашел разговор о метеорологии. Товарищ Жданов был когда-то большим любителем этого дела. Он рассказал, что во время нашего перелета внимательно следил за изменениями метеорологической обстановки. Я обнаружил, что Жданов прекрасно разбирается в законах метеорологии, отлично знает названия стационарных циклонов Европы и Севера.

Так, оживленно беседуя, мы всей группой подошли к веранде, на которой были видны расставленные кегли.

Иосиф Виссарионович предложил сыграть. Сам первый взял шар и, ловко пустив его по доске, сбил короля и нескольких солдат. После него стал играть Беляков. Когда уже наигрались вдоволь, Сталин посоветовался с гостями — не пора ли приступить к обеду? Все выразили согласие. Он повел нас к столу. За обедом все держались очень непринужденно и весело: так приветлив был хозяин. Я все время чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом веселом празднике.

Первый тост товарищ Сталин провозгласил за гостей, затем за того, кто вывел на светлую дорогу Россию, — за товарища Ленина. После хозяина дома тосты предлагал Жданов.

После обеда наша тройка обратилась к товарищу Сталину с планами насчет полета через Северный полюс. Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы и что к этому делу нужно еще крепче подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим делом нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка.

Сталин любит авиацию. Он с увлечением говорит о полетах Коккинаки, Алексеева, Юмашева и других летчиков.

Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул, уже обледеневший, перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испугу побросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти.

Потом Иосиф Виссарионович рассказывал, как во время возвращения из ссылки один ямщик вез его «за аршин водки».

И. В. Сталин и И. Д. Папанин.

Ямщик подряжался добросовестно везти только при условии, если на каждой остановке будет получать сверх всего этот самый «аршин водки».

Аршин составлялся в длину из стопок, в которых подавалось вино в дорожных постоялых дворах. Ямщик оставался доволен пунктуальным выполнением договора, после каждой станции он веселел и веселел. И наконец при прощании все говорил Сталину:

— Хороший ты мужик. Откудова ты такой, парень?

Во время этого рассказа Иосифа Виссарионовича я сидел рядом и видел, как поблескивали его глаза, как они загорались искренним смехом. Он умеет так рассказывать, что слушатели от души хохочут вместе с ним.

Перешли в просторную соседнюю комнату. Сталин показал карточки своих детей. Он с большой нежностью говорил о дочке Светлане. Она недавно уехала в Москву. У нее начались занятия в школе.

— Она у меня дисциплинированная — раз начались занятия, значит нужно учиться!

Иосиф Виссарионович бережно поставил карточку на место. Мы его стали просить, чтобы он отдал нам на память фотографии, где он снят вместе с ребятами. Что делать с такими напо-

ристыми гостями? Он взял три карточки и отложил, чтобы завернуть в пакетики.

Сталин просит молодежь потанцовать. Сам идет выбирать пластинку, заводит патефон, ставит плясовую.

Когда танцоры исчерпали свой репертуар, Сталин, все еще не отходивший от патефона, выбрал пластинку с хоровой волжской песней. Поставив ее, он сам стал подпевать, и мы хором грянули протяжную русскую песню. Сталин, видимо, в Сибири выучился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову.

Так мы дружно пели бы еще и еще, если бы не пора было собираться Михаилу Ивановичу Калинину. Он уезжал из Сочи.

После проводов Калинина Чкалов лег отдохнуть на кушетку и крепко заснул. Иосиф Виссарионович достал одеяло, тщательно накрыл Валерия и, открыв настежь дверь веранды, вновь начал развлекать нас плясовыми русскими и грузинскими песнями. Уже часов в одиннадцать Жданов позвал всех играть в биллиард.

Игра затянулась. Когда я посмотрел на часы, было около половины второго ночи. Не хотелось уезжать от этого исключительного человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой. Но ведь ему больше, чем кому бы то ни было, нужно отдыхать.

Распрощавшись с товарищами Сталиным и Ждановым, мы уехали к себе на дачу, на всю жизнь запечатлев в сердце замечательный образ простого, радушного хозяина, гениального вождя.

Г. Байдуков

ПО СТАЛИНСКИМ МАРШРУТАМ [1]

1. МОСКВА — ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ

Это было в 1936 году, на одном из заседаний комиссии ЦК ВКП(б), на которое были приглашены инженеры, техники, летчики и авиационные командиры. На заседании я увидел, как подробно товарищ Сталин вникает во все тонкости авиационного дела, как дорожит жизнью каждого летчика, как заботится о том, чтобы на самолете было удобно и безопасно работать.

Во время перерыва Чкалов и Байдуков подошли к Серго Орджоникидзе и спросили его о судьбе нашего проекта: совершить дальний беспосадочный перелет.

Товарищ Серго ответил улыбаясь:

— Не сидится вам, все летать хотите... Я сам не возьму на себя разрешения такого большого и сложного вопроса, но я спрошу у товарища Сталина, а может быть, и вас сведу с ним.

И действительно, вскоре он подвел Чкалова и Байдукова к товарищу Сталину. Серго представил летчиков и, продолжая улыбаться, сказал в шутливом тоне:

— Вот всё пристают... Хотят через Северный полюс лететь.

Товарищ Сталин, сдерживая улыбку, попыхивал своей трубкой. Летчики стояли взволнованные и ждали ответа.

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс? — сказал товарищ Сталин. — Летчикам все кажется нестрашным. Рисковать привыкли. Зачем рисковать без надобности?

Иосиф Виссарионович сначала подшучивал. Затем сказал уже серьезным тоном, что условия полета у Северного полюса мало изучены.

— Надо хорошо и подробно все изучить, чтобы наверняка уже лететь туда...

И, помолчав, он внимательно взглянул на летчиков и добавил:

[1] Статья составлена редакцией по ранее опубликованным статьям т. Белякова.

— Вот вам маршрут для полета: Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

В такой простой и задушевной беседе родился Сталинский маршрут. В словах вождя мы почувствовали и любовь, и ласку, и доверие.

★

Прошло более двух месяцев с того памятного дня. Мы тщательно готовились к полету: изучали маршруты, испытывали самолет, осваивали радио и подготовляли снаряжение. Наконец все работы были закончены; об этом мы могли с удовлетворением доложить руководителям партии и правительства.

Мы снова в Кремле. В небольшом зале я увидел сидящих за столом товарищей Серго Орджоникидзе, Молотова и других членов правительства. В стороне за отдельным столиком сидел товарищ Сталин. Он встал, подошел к нам и радушно поздоровался. Я думал, что мы будем отчитываться перед строгой правительственной комиссией, а вдруг неожиданно весь доклад о нашей подготовке вылился в задушевный разговор.

— Все готово, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — осталось указать нам поточнее маршрут.

Попросив разрешения повесить на стене карту перелета, Чкалов стал подробно рассказывать о том, какими путями можно долететь из Москвы до Петропавловска-на-Камчатке.

Товарищи Сталин, Молотов, Орджоникидзе и другие члены правительства стояли вместе с нами около карты и разглядывали разноцветные линии маршрута.

Нами были разработаны три варианта. Мы защищали северный вариант, то есть маршрут с выходом за Полярный круг. С одной стороны, этот маршрут был удобен тем, что пролегал в районе многочисленных радиостанций Северного морского пути, с другой стороны, выход за Полярный круг в период арктического лета избавлял нас от полета в темноте в течение двух ночей из трех.

Товарищ Сталин очень быстро разобрался во всех обстоятельствах каждого предложенного варианта и сказал:

— Летите из Москвы до Земли Франца-Иосифа, оттуда свернете на Северную Землю и пересечете Якутию. От Петропавловска-на-Камчатке надо вернуться на материк через Охотское море к устью реки Амура, а дальше можете продолжать путь до тех пор, пока будут благоприятные условия погоды и хватит горючего.

Когда мы стали уходить, товарищ Сталин уже совсем по-отечески обратился к нам со словами:

— Скажите по совести, как у вас там, все ли в порядке? Нет ли у вас червяка сомнения?

Мы хором ответили, что у нас никаких сомнений нет.

Из Кремля мы уходили радостные, взволнованные, с твердым намерением безукоризненно выполнить перелет и не уронить честь нашей родины.

★

Память моя навсегда сохранит день нашего возвращения с острова Удд[1] в родную Москву.

Самолет наш катился по знакомому полю аэродрома. Наперерез ему мчалось несколько автомобилей.

Самолет наконец остановился. Остановились и автомобили. Из передней машины показался товарищ Сталин. Он спокойной походкой шел к самолету.

Мы были ошеломлены, когда увидели товарища Сталина. Чкалов в это время стоял на крыле. Увидев Иосифа Виссарионовича, он поискал глазами стремянку, махнул рукой, сел на крыло и, соскользнув на землю, побежал навстречу.

Стараясь быть серьезным, Чкалов вытянулся и отрапортовал:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено.

Сталин дружески улыбнулся, широко раскинул руки, крепко обнял Чкалова и расцеловал. Потом он передал Чкалова в объятия Ворошилова, а сам шагнул к растерянному Байдукову и ко мне и поцеловал нас, как детей.

Его первые слова были:

— Не устали вы? Мы вас не будем долго мучить: вам нужен отдых, а сейчас пойдем к трибунам.

Мы были так растроганы, что почти не могли говорить.

★

Прошло несколько дней, и мы снова в Кремле. Мы рапортуем нашей великой стране об очередном достижении советской авиации и о благополучном завершении перелета по Сталинскому маршруту.

И здесь я услышал слова, которые указали мне ясный путь дальнейшей работы.

Товарищ Сталин, говоря о летчиках, сказал:

— Смелость и отвага — это только одна сторона героизма. Другая сторона, не менее важная, — это уменье. Я за таких летчиков, которые умеют сочетать смелость и отвагу с уменьем.

Я понял, что, детально изучая штурманское дело как одну из отраслей авиационной техники, я нахожусь на правильном пути. Я сказал себе, что и впредь буду совершенствоваться в своем деле. Уменье — не менее важная сторона героизма.

---

[1] Постановлением ЦИК СССР от 13 августа 1936 года остров Удд переименован в остров Чкалов.

2. НА ЮГЕ

Я никогда не забуду встречи с этим великим, простым и обаятельным человеком, когда он отдыхал на Юге. Здесь не надо было говорить о делах — можно было разговаривать обо всем, что на душе.

Это было вскоре после окончания перелета по первому Сталинскому маршруту.

Однажды мы были приглашены к товарищу Сталину на дачу.

Помню, мы шли небольшой аллеей. У входа на дачу я увидел товарища Сталина. Рядом с ним стоял товарищ Жданов. Настроение у нас было приподнятое и радостное. Мы подошли всей гурьбой и поздоровались. Поздоровались — и не знаем, что делать дальше.

Товарищ Сталин, видя, что мы еще незнакомы с окрестностями, сказал нам:

— Ну, походите кругом и посмотрите, что здесь насажено.

И он пошел вместе с нами. Обходя вокруг дачи, мы увидели много лимонных деревьев со спелыми плодами. Один огромный лимон привлек мое внимание. Товарищ Сталин, видя, что лимоны нас занимают, сказал:

— Если они вам нравятся, сорвите. Кто сколько хочет.

Желая сохранить что-либо на память о посещении товарища Сталина, я немедленно воспользовался этим разрешением, и самый большой лимон с дерева очутился в моем кармане.

Гуляя по саду, мы обратили внимание на незнакомую нам породу деревьев.

— Это эвкалипты, — сказал товарищ Сталин. — Очень ценное дерево.

Товарищ Сталин нам объяснил, что эвкалипты отгоняют малярийных комаров и что их полезно сажать там, где желают избавиться от малярии. Он рекомендовал сажать эвкалипты в более северных местах нашего Союза, для того чтобы они там акклиматизировались.

Мы заметили, что около дачи растет какая-то сосна особой породы, с длинной пахучей хвоей.

— Здесь раньше рос дуб, — сказал товарищ Сталин, — но он был чем-то болен, и мы решили его заменить сосной. Узнав об этом, агрономы и садоводы стали говорить, что сосна здесь расти не будет, но мы все-таки решили попробовать, и, как видите, сосна растет и даже очень хорошо.

— Видно, товарищ Сталин, — сказал Чкалов, — всякое дело можно выполнить, если к нему руку приложить.

— Да, верно, — сказал товарищ Сталин, — только не нужно унывать при неудачах. Если не выходит, надо второй раз попы-

И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов.

таться. Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти. Этому нас, большевиков, еще Ленин учил.

Незаметно, в дружеском разговоре, черпал я для себя уроки большевистской мудрости.

Солнце уже село, но около дачи было еще тепло.

Товарищ Жданов оказался знатоком сельского хозяйства и метеорологии. Он объяснил нам, что внизу, у подножия холма, ночью бывает холодней, потому что наступает инверсия. Я хорошо знаю это слово. Оно означает обратный, ненормальный ход температуры, когда она повышается с высотой. После упоминания инверсии разговор как-то естественно перешел на авиационные темы. Товарищ Сталин хорошо знал, что на больших высотах летчики страдают от холода. Он начал сетовать на то, что авиационные люди мало занимаются вопросами обогрева кабин и электрически обогреваемой одежды.

Попутно товарищ Сталин упомянул, что напрасно летчики иногда рискуют и не пользуются парашютом даже в тех случаях, когда положение становится явно угрожающим.

— Вот недавно был случай, — сказал товарищ Сталин: — один из наших самолетов потерпел аварию в воздухе, на нем было четыре человека — трое выпрыгнули, а один остался на самолете и погиб. Когда мы вызвали тех, которые благополучно спустились на парашютах, и стали расспрашивать, как это все

произошло, то один из летчиков, докладывая, стал извиняться, что он принужден был выпрыгнуть с парашютом. Он считал себя в этом виноватым... Какая у вас, летчиков, ломаная психология! — продолжал товарищ Сталин. — Мы его хотели наградить за то, что он выпрыгнул с парашютом, а он стал доказывать нам, что он виноват. Жизнь одного летчика нам дороже многих машин.

Какая огромная любовь к людям, какое сердечное отношение к летчикам сквозили в этих словах, заботливых и задушевных!

Наступила темнота, и товарищ Сталин пригласил нас в столовую. При этом он сетовал, что сегодня за столом не будет хозяйки: его маленькая хозяйка — дочка Светлана — несколько дней назад уехала в Москву, так как в школах уже начались занятия. Он с большой любовью и нежностью говорил о своей дочери и, повидимому, без нее скучал.

Обед проходил в обстановке исключительно непринужденной.

С затаенным дыханием выслушали мы рассказ товарища Сталина о некоторых эпизодах его подпольной революционной деятельности.

Быстро летели часы. Я старался запечатлеть каждый жест товарища Сталина, запомнить каждое его слово.

Наступила минута прощанья.

Я подошел к товарищу Сталину и попросил его написать в мой блокнот хотя бы два слова. Но товарищ Сталин сказал, что сейчас уже поздно, все устали, и что он удовлетворит мою просьбу завтра.

Мы уехали.

Я, конечно, никогда и не думал, что товарищ Сталин запомнит свое обещание: и без моих просьб у него много дел.

Каково же было мое удивление, когда на следующий день я получил от товарища Сталина фотографию его дочери Светланы с надписью — вверху, в левом углу: «Светлана», а внизу: «т. Белякову на память. И. Сталин».

Когда я вечером после трудового дня смотрю на этот дорогой подарок, передо мной вновь встает образ великого человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой.

3. ГОТОВИМСЯ К НОВОМУ ПЕРЕЛЕТУ

Пришла зима, и вновь наши сердца потянулись к бесконечным просторам воздушного океана, к вольным и далеким льдам Арктики. Мы мечтали о беспосадочном перелете из Москвы в Америку.

— Принимайтесь, ребята, за работу, — говорил Чкалов. — Я возьму на себя хлопоты о разрешении, а вы, Саша с Егором,

осмотрите самолет. Составьте подробный список того, что нужно на нем переделать.

Чкалов и Байдуков уже побывали у народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова и заручились его согласием и поддержкой.

Однако мы все еще слышали заявления о том, что район Северного полюса не изучен — неизвестно, мол, какая там погода. Если неблагоприятная погода заставит экипаж совершить вынужденную посадку на лед, говорили нам, то помощь оказать будет трудно.

Нам очень помогло то обстоятельство, что весной 1937 года готовилась в Арктику большая экспедиция Северного морского пути. Четыре многомоторных самолета должны были вылететь из Москвы к Северному полюсу. Но, так как тяжелые самолеты неспособны пройти такое большое расстояние без пополнения горючего, решено было для будущей экспедиции организовать базу на острове Рудольфа (архипелаг Франца-Иосифа). От него до полюса девятьсот километров тяжелого пути.

21 мая самолет Водопьянова доставил четырех отважных зимовщиков на Северный полюс. Молнией облетело весь мир сообщение о блестящей высадке советской экспедиции на дрейфующую льдину. Чкалов долго крепился, наконец не выдержал и позвонил товарищу Молотову. Он просил его сообщить, каково мнение товарища Сталина о нашем предложении лететь в Северную Америку.

— А как у вас с материальной частью? — спросил Молотов.

— Все готово.

— Как все готово? Ведь разрешения нет!

— А мы на всякий случай...

Товарищ Молотов рассмеялся и сказал:

— Хорошо, товарищ Чкалов. На-днях обсудим ваш вопрос.

И действительно, через несколько дней, 25 мая, Чкалова вызвали к телефонному аппарату и сообщили, что нас приглашают на совещание в Кремль.

Я в этот день был в полете. На совещание поехали Чкалов и Байдуков.

4. РАССКАЗ ЧКАЛОВА

В первую же встречу Валерий рассказал мне о чудесных часах, проведенных среди руководителей партии и правительства.

«Свое выступление я начал с характеристики нашего самолета, на котором можно было бы совершить полет через полюс в Северную Америку, — рассказывал Чкалов. — Я напомнил, что свой предыдущий полет мы прервали из-за метеорологических условий, имея в баках тонну бензина.

Я так увлекся, что едва не рассказал о том, как, пролетая над Землей Франца-Иосифа, мы чуть было не решили изменить курс и лететь через Северный полюс в Америку. Байдуков быстро дернул меня за пиджак, я замолчал, но товарищ Сталин, улыбаясь, сказал:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Второй раз дернул меня за пиджак Байдуков, когда я проговорился о «контрабандных» работах. Позабыв об уговоре, я незаметно для себя рассказал о том, что все подготовительные работы уже сделаны. Байдуков даже изменился в лице, но опять раздался голос товарища Сталина:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

«А вдруг мы поспешили с подготовкой? — с тревогой подумал я. — Ведь постановления-то правительства еще нет». Взглянул на Байдукова — в глазах у него та же тревога.

Дружеская беседа длилась уже более полутора часов.

Тепло отзываясь о смелом коллективе полярников, товарищ Сталин заметил, что теперь, наверное, нам будет легче лететь через Северный полюс.

Я сказал смеясь:

— Товарищ Сталин, для нас это «хуже»: ведь Папанин будет «давать» с полюса все плохую да плохую погоду... Так никогда и не улетишь!

— Вот тебе и нá! Мы думали — будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс, — шутливо сказал товарищ Сталин, обращаясь к Молотову.

— Так, значит, как обстоит у них дело с машиной? — спросил он одного из руководителей авиационной промышленности.

— Они давно готовы, товарищ Сталин. Ведь вы слышали...

— Да, слышал, — рассмеялся товарищ Сталин. — Впрочем, я об этом знал раньше.

На душе моей отлегло. Значит, товарищ Сталин знал о всей нашей подготовительной, «контрабандной» работе. Занятый важнейшими государственными делами, он не забыл о нас. Ну, а если он знал о подготовке, значит...

Товарищ Сталин начал расспрашивать нас о всех подробностях проведенной работы. Он великолепно понимал нас с полуслова.

— Так вы, товарищ Чкалов, говорите, что выбор самолета правилен? — спросил он меня.

Потом помолчал и добавил:

— Все-таки один мотор... Этого не надо забывать.

— Товарищ Сталин, мотор отличный, — ответил я. — Это ведь доказано, и нет оснований беспокоиться. А кроме того, — пошутил я, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

И. В. Сталин.

Присутствующие засмеялись. Наступил самый решающий момент. Товарищ Сталин, задав еще несколько вопросов, немного задумался, а потом сказал:

— Я — за!

Когда первый пункт решения правительства о перелете был записан, товарищ Сталин предложил еще новый пункт о том, чтобы обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки сделать посадку в любом пункте Канады, а в случае прямой опасности для экипажа произвести немедленную посадку.

Эту фразу товарищ Сталин повторил и мне:

— Прекратить полет при первой опасности.

Я не знал, какими словами поблагодарить товарища Сталина за доверие, оказанное нам. Крепко пожал я руку дорогому вождю и сказал:

— Спасибо, товарищ Сталин, за доверие. Мы оправдаем его».

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Долгих шестьдесят три часа были мы в воздухе. Мы пролетали над скованными льдом просторами Арктики, наш самолет парил над Северным полюсом и пошел на посадку возле города Портланд (Северная Америка). Чкалов впоследствии говорил, что на крыльях советского самолета мы привезли американскому народу привет и дружбу ста семидесяти миллионов свободных граждан СССР.

Но вот мы снова на родной земле. В наш вагон вбегают радостные и возбужденные советские пограничники. Они крепко жмут нам руки, обнимают, расспрашивают о нашем путешествии. Мы не замечаем, как поезд подходит к станции Негорелое.

Скромная пограничная станция выглядит необычно празднично. Светят юпитеры и прожекторы. Гудит толпа. Нас бурно приветствуют. Мы выходим на перрон и направляемся к трибуне. Около нас, сгибаясь под тяжестью огромного букета цветов, стоит шестилетняя дочь пограничника. Кто-то из толпы ей задает вопрос:

— Кому букет-то?

Она со снисходительным недоумением отвечает:

— Взрослый, а не знает!.. Чкалову!

Короткий митинг окончен. Пересаживаемся в другой поезд. Для нас прицеплен отдельный вагон. Поезд уходит в ночь на восток, к столице Советского Союза.

В 16 часов 13 минут 24 июля экспресс подошел к перрону московского вокзала. Тепло и радостно встретила нас Москва. Над привокзальной площадью неслись звуки «Интернационала».

Это звучал гимн народной неукротимой воле, гимн нашей родине, нашей партии, в честь Сталина, по маршруту которого мы совершили перелет.

После короткого митинга мы сели со своими родными в автомобили и направились по улице Горького, переполненной москвичами, к Боровицким воротам Кремля.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца мы увидели товарища Сталина и его соратников и боевых товарищей — Молотова, Ворошилова, Калинина, Кагановича, Микояна, Жданова.

Глубоко взволнованные, подходили мы к столу. Здесь же присутствовали инженеры и рабочие авиационной промышленности, наши друзья-летчики, родные, знакомые.

Товарищ Сталин каждого из нас обнял и расцеловал. Трудно передать волнение, которое испытали мы под ласковым взором простого, родного и близкого всем нам великого Сталина.

Зал долго гремел от аплодисментов, когда был провозглашен тост в честь того, чье имя уже давно стало символом побед.

Товарищу Сталину несли мы свои самые горячие чувства.

Валерий встал из-за стола и, обращаясь к присутствующим, сказал:

— Многое повидали мы в дни перелета, в дни нашего путешествия. Мы видели, как зарубежные рабочие относятся к нашей стране, с какой надеждой и упованием смотрят они на Советский Союз, откуда, подобно магнитным волнам, идут по всему свету великие идеи коммунизма. В знак своих чувств зарубежные рабочие преподнесли нам серебряную скульптуру. На ней изображен земной шар. Континенты Европы и Америки соединены чертой, проходящей через полюс. Экипаж передает эту скульптуру как символ международной солидарности рабочих товарищу Сталину.

Иосиф Виссарионович взял статуэтку и, когда прием окончился, унес ее с собой.

А. Беляков